

Шевердяев С.Н. Концепция российского законодательства о доступе к правительственной информации в свете посторонних законодательных влияний // Конституционное и муниципальное право. 2013. N 10. С. 13 - 17.

В статье автор предлагает свое видение ряда проблем развития российского информационного законодательства и отмечает, что в доктрине и законодательстве требуется значительно более четко определить иерархию информационных ценностей как ценностей открытости государства, задав тем самым понятный вектор движения и сложив все силы и тренды в одном направлении.

Ключевые слова: концепция российского законодательства; свобода информации; доступ к правительственной информации.

*Conception of the Russian legislation on the access to the governmental information in light of accessory legislative impacts
S.N. Sheverdyayev*

Sheverdyayev Stanislav Nikolaevich, assistant professor of the Chair of Constitutional and Municipal Law of the Law Faculty of Lomonosov Moscow State University, candidate of juridical sciences.

The author of the article proposes his understanding of a number of problems of development of the Russian informational legislation and notes that it is necessary to more precisely determine in the doctrine and legislation the hierarchy of informational values as values of openness of the state setting by it a clear vector of movement and uniting all trends and efforts in one direction.

Key words: conception of the Russian legislation, freedom of information, access to governmental information.

В Москве в стенах Высшей школы экономики 14 февраля 2013 г. прошла знаменательная научно-практическая конференция «Реализация свободы информации в России: проблемы теории и практики», которая собрала многих известных специалистов в области исследования правовых проблем обеспечения доступа к информации. В связи с рядом аспектов, которые обсуждались на данной конференции, мы хотели бы изложить свое видение ряда проблем развития российского информационного законодательства, которые имеют концептуальный характер и во многом определяют его дальнейшую судьбу.

С точки зрения традиционной российской систематики правового регулирования общественных отношений по поводу информации тема конференции, связанная с проблемами реализации свободы информации, предполагает обсуждение вопросов распространения информации и свободы слова в самом широком смысле. Здесь, среди прочего, речь идет о таких проблемах, как независимость средств массовой информации (СМИ) от государства, учреждение общественного телерадиовещания, защита журналистов, противодействие цензуре, ограничения свободного потока информации с точки зрения защиты нравственности и здоровья общества, суверенитета государства и других актуальных вопросах.

В англоязычной литературе термин «свобода информации» (freedom of information) обычно также употребляется в качестве аналога понятия свободы мысли и слова или свободы самовыражения (freedom of expression). Однако, в рамках собственно

юридического дискурса термин “freedomofinformation” имеет и более прикладное значение, предполагая под собой проблематику, связанную с доступом граждан к информации, находящейся в распоряжении правительства. Не случайно поэтому в англоязычных странах, значительная часть которых относится одновременно и к семье англо-саксонского права, законы, закрепляющие свободу доступа (freedomofaccess) или так называемое «право знать» (right-to-know), именуются FreedomOf InformationAct (FOIA).

По всей видимости, такая традиция словоупотребления сложилась в виду специфики американского опыта, благодаря которому, собственно, проблематика доступа к информации и была популяризирована в XX веке. Как известно, после всплеска выступлений американской общественности против закрытости официальных документов Пентагона о Вьетнамской войне был принят закон США о свободе информации (FOIA) 1966 г. Он не являлся первым в своем роде, но стал наиболее влиятельным документом, побудившим международную дискуссию к усилению значимости права человека на доступ к правительственной информации. Как известно, 1-я поправка к Конституции США не допускает принятие Конгрессом законов, посягающих на свободу слова или свободу прессы, поэтому закон с таким характерным названием не мог касаться проблематики свободы слова или свободы СМИ, поскольку сама по себе постановка вопроса о возможности регулирования процесса распространения информации могла указывать на нарушение данной поправки.

Таким образом, несмотря на то, что законы о доступе к информации в странах, относящихся к разным правовым системам, могут именоваться законами о праве на доступ к информации (Хорватия), о свободном доступе к информации (Чехия), о доступе к файлам публичной администрации (Дания), об общественной информации (Эстония), об официальной информации (Новая Зеландия), о праве на информацию (Индия), о прозрачности и доступе к информации (Эквадор), все они объединяются одной правовой идеей, получившей свое распространение благодаря американскому опыту, идентифицируются по названию американского закона о свободе информации (FreedomOfInformationAct) и имеют сходный с ним набор правовых инструментов.

Далее мы хотели бы немного поговорить о свободе информации именно в этом смысле, в смысле права граждан на доступ к правительственной информации, или «права знать».

На наш взгляд, в последние годы начала выкристаллизовываться проблема, в общем достаточно предсказуемая, но от этого не менее серьезная. Суть ее заключается в том, что концепция, лежащая в основе российского закона о доступе к информации¹, т.е. концепция обеспечения прозрачности, открытости деятельности органов власти, и без того лишенная эксклюзивности и своего законного самостоятельного места в российском законодательстве (в силу допущения других правовых источников регулирующих сходные отношения²), с течением времени продолжает активно нивелироваться уже новыми политическими инициативами похожей смысловой направленности. Не то чтобы большую практическую важность имела концептуальная чистота закона о доступе к информации, хотя для системного взгляда, важного в науке и политике, это имеет большое значение. Однако с появлением законодательного и порой

¹ Имеется в виду Федеральный закон от 09.02.2009 N 8-ФЗ (ред. от 11.07.2011) "Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления" // "Собрание законодательства РФ", 16.02.2009, N 7, ст. 776. При подготовке настоящего материала использовалась справочная правовая система Консультант Плюс.

² Так, п. ст. 2 указанного закона гласит: «Если федеральными конституционными законами, федеральными законами и принимаемыми в соответствии с ними иными нормативными правовыми актами Российской Федерации предусматриваются особенности предоставления отдельных видов информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления, положения настоящего Федерального закона применяются с учетом особенностей, предусмотренных этими федеральными конституционными законами, федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.».

предпринимательского энтузиазма по поводу ряда новых идей в связи с управлением информационным государственным сектором, генеральные задачи обеспечения прозрачности власти невольно оказываются в стороне или, что еще хуже, начинают толковаться в новом конъюнктурном ключе, что извращает содержание права на доступ к информации как «права знать».

Среди наиболее заметных энергично осваиваемых инициатив, которые мы в названии данного материала обозначили в виде «боковых трендов» законодательства о доступе к информации, можно назвать следующие:

- инициатива по «открытым данным»;
- декларирование активов публичных служащих;
- дальнейшая консервация разрешения вопроса о границах «закрытой информации».

1) Инициатива по открытым данным с точки зрения идейного, теоретического наполнения не может не вызывать поддержки.³ Мысль о том, что все государственные информационные ресурсы, кроме секретных и конфиденциальных массивов данных, будут безусловно открытыми для публики в свободном доступе через Интернет в единых форматах, которые позволят обеспечивать их автоматизированную обработку с помощью столь же доступных программных средств пользователей, несомненно является продолжением концепции «права знать». Даже при перебоях или сохранении больших темных пятен в обеспечении тотальной открытости государства реализация инициативы открытых данных способствует накоплению некой критической массы в формировании культуры открытости государственного управления. И если российское общество окажется восприимчивым к пользе открытых данных, появится устойчивый интерес к их использованию для повседневных бытовых или деловых нужд, то можно будет засвидетельствовать, что обратного пути к бюрократической закрытости уже нет. Однако в практике освоения данной инициативы наметились некоторые нюансы, омрачающие оптимистические ожидания.

В максимально общей постановке вопроса в этой связи имеет смысл вспомнить, что концепция открытых данных развивается под эгидой идеологии открытого правительства, а в ней, в свою очередь, четко различимы две основные составляющие – технологическая и содержательная. Технологическая имеет отношение к проблематике информатизации, связана с тематикой «электронного правительства». По существу в реализации этого аспекта проблемы открытого правительства в настоящее время идет речь о продолжении работы по линии ФЦП «Электронная Россия»,⁴ но уже не в связи с технологическим оснащением органов власти современными телекоммуникационными технологиями (эта задача, кажется, решена), а в связи с тонкой настройкой и совершенствованием программной и организационной среды взаимодействия и обменом данными по линии G2G, G2B и G2C.

Содержательная составляющая концепции открытого правительства связана уже с наличием не технологической связи между государством и обществом, а с налаживанием организационного взаимодействия особого качества, взаимодействия, которое бы подчинялось идее подотчетности государства обществу. Несмотря на множество пересечений, это все же принципиально другая постановка вопроса. Здесь ожидания связаны не с количеством компьютеров и объемами доступных данных, а с эффектом открытости, восприимчивости конкретных государственных служащих к нуждам людей.

³ Задача реализации проекта по открытым данным поставлена в Указе Президента РФ от 07.05.2012 N 601 "Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления" // "Собрание законодательства РФ", 07.05.2012, N 19, ст. 2338. В его пп. «г» п. 2 читаем: «до 15 июля 2013 г. обеспечить доступ в сети Интернет к открытым данным, содержащимся в информационных системах органов государственной власти Российской Федерации».

⁴ Постановление Правительства РФ от 28.01.2002 N 65 (ред. от 09.06.2010) "О федеральной целевой программе "Электронная Россия (2002 - 2010 годы)" // "Собрание законодательства РФ", 04.02.2002, N 5, ст. 531.

Открытость государства воспринимается и оценивается при этом не по формальным индикаторам в рамках абстрактного взаимодействия «государство – общество», а по степени дружелюбности, отзывчивости представителей государства не только друг к другу, но и к гражданам.

По существу при сопоставлении организационной и содержательной сторон идеологии открытого общества идет речь о соотношении темы информатизации и свободы информации. Эта проблема не нова, теоретик права профессор А.Б. Венгеров еще в 70-х гг. XX века разрабатывая вопросы правового регулирования автоматизации народнохозяйственного комплекса, указывал на принципиальное отличие методологии правового регулирования в сфере информатизации, управляемой методами административного права, и методологии регулирования в сфере информационных отношений, которые не могут продуктивно развиваться в системе механизмов государственного управления.⁵ Поэтому и сегодня мы утверждаем, что административное право не может регулировать информационные отношения. Свободный рынок идей развивается под сенью конституционных принципов свободы информации, идеологического плюрализма, свободы СМИ.

Однако до сих пор в силу традиции, научного консерватизма и главное – подавленного общественного запроса на свободную дискуссию – целая правовая отрасль, получившая название информационного права, воспринимает проблемы информационной сферы с точки зрения оформления и распределения государственных информационных ресурсов, т.е. в типично информатизационной, административно-правовой постановке вопроса. Подтверждением этому является то, что даже специальность «информационное право» в научном классификаторе в нашей стране появилась и долгое время развивалась вместе с административным правом. Другой наглядной иллюстрацией этого тезиса является неадекватность для развития практики свободы информации административно-правовой по характеру концепции Закона об информации, информатизации и защите информации, причем как в его старом, так и в обновленном виде.⁶

Сегодня мы также находим множество свидетельств превалирования технологической стороны над смысловой. Так, концепция открытых данных, продолжает неизбежно опираться в своей идейной части на закон о доступе к информации. Именно поэтому поправки относительно открытых данных сформулированы для внесения в этот закон.⁷ Но при этом реализация механизмов доступа к правительственной информации по-прежнему рассматривается государственными функционерами не в контексте развития идей демократии и подотчетности государства, а в связи с необходимостью формирования новых организационно-технологических комплексов. То есть практика доступа к информации продолжает связываться не с конкретизацией закона о доступе к информации путем совершенствования форм работы чиновников с гражданами, а с созданием других правовых источников, также имеющих отношение к информатизационной концепции регулирования.

В первую очередь в этом смысле на память приходит закон об организации предоставления государственных и муниципальных услуг⁸. Один из ключевых элементов

⁵Венгеров А.Б. Право и информация в условиях автоматизации управления (Теоретические вопросы). – М., 1978. – С. 47.

⁶Федеральный закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ (ред. от 28.07.2012) "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" // "Собрание законодательства РФ", 31.07.2006, N 31 (1 ч.), ст. 3448; см. также утративший силу Федеральный закон от 20.02.1995 N 24-ФЗ (ред. от 10.01.2003) "Об информации, информатизации и защите информации" // "Собрание законодательства РФ", 20.02.1995, N 8, ст. 609.

⁷См., проект Федерального закона N 181992-6 "О внесении изменений в Федеральный закон "Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления" в связи с размещением государственными органами информации о своей деятельности в сети Интернет в форме открытых данных" (принят Государственной Думой ФС РФ в I чтении 15.01.2013).

⁸Федеральный закон от 27.07.2010 N 210-ФЗ "Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг" // "Собрание законодательства РФ", 02.08.2010, N 31, ст. 4179.

этого Закона – создание так называемых многофункциональных центров (МФЦ), предназначенных для максимально удобной организации обслуживания граждан, еще один механизм – создание порталов государственных услуг, оказываемых в электронной форме. В контексте решения различных управленческих задач это несомненный плюс. Однако для доступа к информации – это шаг скорее в обратном направлении. Ведь смысл правовой концепции доступа к правительственной информации не в разнообразии информации и не в удобстве обслуживания, а, прежде всего, в отсутствии непроницаемых границ между государством и обществом, между чиновником и гражданином. Теперь же воздвигаются новые стены в виде квалифицированных посредников, которые будут охранять чиновников от беспокойства со стороны граждан.

Таким образом, консолидируя все сказанное выше об инициативе по открытым данным, можно сделать вывод о необходимости более последовательно отражать в нормативных актах по этой теме содержательный аспект философии открытого правительства, причем не только на уровне выхолощенных формулировок общих принципов, но и посредством конкретизации механизмов подотчетности государства обществу.

Далее. Законодательство о декларировании активов публичных служащих также вполне можно рассматривать как еще одно направление влияния на существо законодательства о доступе к информации.

Наличие в открытом доступе информации о доходах и имуществе чиновников и членов их семей, причем в периодической, ежегодной динамике, признается одним из наиболее эффективных сдерживающих факторов при распространении коррупции.

Более того, в виду этой особой эффективности доступ к информации такого рода законодательно выделен из классической проблематики доступа к информации (хотя и остается в целом в рамках более широкой темы обеспечения открытости государства) и представляет собой самостоятельный правовой институт с массивным объемом собственных специфических нормативных источников.⁹

Если попытаться с точки зрения тематики выделить еще какой-либо столь же востребованный в обществе сегмент официальной информации, находящейся в распоряжении органов власти, то ближайшие конкуренты в рейтинге наверняка появятся с большим интервалом (например, тарифы ЖКХ, пенсионное обеспечение или льготы на медицинское обслуживание в районных поликлиниках и т.д.).

Проблема, о которой стоит отдельно сказать в связи с рассуждениями о теории и практике доступа к информации, заключена, собственно, в причинах и следствиях интереса к этой проблематике. Сначала относительно причин. Во-первых, информация об имущественной сфере публичных служащих, как правило, легко поддается контролю. Во-вторых, в настоящее время уровень личного обогащения отдельных высокопоставленных чиновников в связи с их работой в системе государственного аппарата настолько высок, что игнорировать необходимость такого контроля невозможно хотя бы ради предотвращения социального взрыва. В-третьих, в постсоветском обществе с извращенной экономикой, которая еще не встала на рыночные рельсы, будет продолжать существовать культура большого интереса к чужим доходам, которые весьма не скоро избавятся от эпитета «нетрудовых» даже в эпоху честного бизнеса и прозрачного государства.

Что касается последствий интереса общественности к этой теме, то главная проблема здесь заключается в том, что столь скандальный характер информации о доходах по определению тянет уровень общественного дискурса вниз, к более примитивным и циничным эмоциям, нередко влечет за собой социальную апатию и часто

⁹Ст. ст. 20, 20.1 Федерального закона от 27.07.2004 N 79-ФЗ (ред. от 30.12.2012) "О государственной гражданской службе Российской Федерации" // "Собрание законодательства РФ", 02.08.2004, N 31, ст. 3215; ст. ст. 8 и 8.1 Федерального закона от 25.12.2008 N 273-ФЗ (ред. от 29.12.2012) "О противодействии коррупции" // "Собрание законодательства РФ", 29.12.2008, N 52 (ч. 1), ст. 6228 и др.

нигилизм в отношении государственных институтов и возможностей права. Этот эффект скандальности обратно пропорционален конструктивизму результатов и выводов, особенно если ситуация с чистотой рядов государственных служащих по фактам выявленных нарушений со временем не улучшается.¹⁰

Между тем, сложно обвинять граждан во внимании к вызывающей информации, например, о космических доходах удивительно талантливых жен высоких столоначальников. Это проблема не обывателей, читающих газеты и склонных переживать за сложную судьбу своей страны, а проблема политиков, ответственных за нынешнее состояние государственного аппарата, который не может в XXI веке побороть старинную русскую систему кормления. Поэтому если в обществе вовсе нет никакой дискуссии и государство невосприимчиво к диалогу, то и эта «сальная» тема может быть началом более фундаментального процесса. Как говорится, «Когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда». Так что также как бесстыдная реклама невольно привлекает интерес к товару, также и тема активов государственных служащих может привлечь интерес общества к открытости государства и появлению полезной привычки задавать ему вопросы, требовать отчета.

Наконец, еще один аспект, который можно отнести к основным направлениям развития российского законодательства о доступе к информации – это дальнейшая консервация вопроса о границах «закрытой информации».

Одним из самых принципиальных моментов, который свидетельствует о надежной правовой основе и ясных перспективах реализации права на правительственную информацию, является разрешение проблемы определенности юридической конструкции «информации ограниченного доступа». Нет необходимости на этом останавливаться подробно, учитывая, что проблема известна давно и что этому на конференции уже было уделено внимание ведущих российских специалистов. Отметим лишь два момента, по одному в отношении служебной и государственной тайны.

По поводу служебной тайны: следует обратить внимание на то, что примитивизм ее правовой основы в лице правительственного постановления 1994 г. №1233¹¹, особенно в сравнении с тонкими и многообразными инструментами из состава смежного современного законодательства, ясно указывает на то, что это не случайность, а позиция. Она хорошо известна в русской литературе как позиция «как бы чего не вышло» характерного чеховского персонажа человека в футляре.

Необходимо эту установку менять, хотя бы в силу ее незаконности. И вряд ли наличие знаменитых отказных определений Конституционного Суда РФ¹² могут быть этому препятствием. Здесь вполне можно согласиться с мнением профессора М.А. Краснова о том, что судебный потенциал в этом вопросе не исчерпан.¹³ Учитывая специфику концепции конституционного правосудия, которую эксплуатирует нынешний

¹⁰ См., например: Роуз-Аккерман С. Коррупция и государство. Причины, следствия, реформы: Пер. с англ. О.А. Алякринского. М: Логос, 2003. С. 276.

¹¹ Постановление Правительства РФ от 03.11.1994 N 1233 (ред. от 20.07.2012) "Об утверждении Положения о порядке обращения со служебной информацией ограниченного распространения в федеральных органах исполнительной власти и уполномоченном органе управления использованием атомной энергии" // "Собрание законодательства РФ", 25.07.2005, N 30 (ч. II), ст. 3165.

¹² Определение Конституционного Суда РФ от 11.07.2006 N 269-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Павлова Ивана Юрьевича на нарушение его конституционных прав пунктами 1.2 и 1.7 Положения о порядке обращения со служебной информацией ограниченного распространения в федеральных органах исполнительной власти" // "Вестник Конституционного Суда РФ", N 6, 2006; Определение Конституционного Суда РФ от 15.04.2008 N 287-О-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Павлова Ивана Юрьевича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 части 3 статьи 6 Федерального закона "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" и пунктом 1.2 Положения о порядке обращения со служебной информацией ограниченного распространения в федеральных органах исполнительной власти". См. в СПС Консультант Плюс.

¹³ Право и власть : Международные институциональные стандарты в российском контексте / под.общ. ред. И.М. Клямкина. – Москва : Фонд «Либеральная Миссия», 2013. С. 78.

состав Конституционного Суда РФ, вполне возможно, что этот вопрос может быть заново и в другом ключе рассмотрен на предмет соответствия Конституции РФ в связи с современным развитием правовой доктрины, в особенности после принятия Закона о доступе к информации, а также новым балансом конституционных ценностей.

Также скажем несколько слов по поводу государственной тайны. В отличие от пассивного бездействия, характерного для законодательства о служебной тайне, в данном вопросе вместо традиционного отсутствия интереса к решению проблемы неопределенности границ тайны обозначился сдвиг, но сдвиг этот – в обратном направлении – к еще большей неопределенности. Поэтому и формулировка этого направления влияния в настоящем материале связана не с бездействием, а с дальнейшей консервацией проблемы закрытости информации.

Факт, свидетельствующий об отступлении в сторону большей неопределенности в вопросе государственной тайны, связан с внесением в ноябре 2012 г. поправок в Уголовный кодекс РФ. Согласно изменениям в новой редакции изложены уголовно-правовые составы государственной измены (ст. 275), шпионажа (ст. 276), а также включен новый состав преступления «Незаконное получение сведений, составляющих государственную тайну» (ст. 283.1).

Несмотря на то, что объем понятия государственной тайны¹⁴, как и перечень сведений ее составляющих¹⁵ в этой связи пока не претерпел изменений, увеличение объема нормативных формулировок уголовных составов, связанных так или иначе с сохранностью секретных сведений привело не к большей определенности, а к еще меньшей, поскольку оно было связано не с конкретизацией признаков состава преступления, а, наоборот, с расширением круга деяний, которые могут к этому относиться.

Так, например, ст. 275 УК о государственной измене теперь объектом своего интереса объявляет среди прочего оказание консультационной или иной помощи иностранному государству, международной либо иностранной организации или их представителям. Кроме того, если ранее ст. 275 УК говорила исключительно о причинении ущерба внешней безопасности Российской Федерации, то теперь термин «внешней» из нормы выбыл, что расширяет усмотрение до небывалых пределов. Кроме того, нужно отметить, что наряду с разглашением государственной тайны (ст. 283 УК) теперь криминализовано и «незаконное получение сведений, составляющих государственную тайну» (ст. 283.1), которое уже может быть не связано с разглашением или прочим распространением сведений.

Таким образом, об отрицательной динамике в отношении определенности круга закрытой информации свидетельствует не просто рост числа уголовно наказуемых деяний в связи с незаконным использованием секретных сведений, а то, что эти составы стали более абстрактными, например, с точки зрения толкования понятия «безопасность» или «незаконность получения секретных сведений».

Итоговая мысль, к которой хотелось бы подвести в связи с тезисом о разных аспектах влияния на концепцию законодательства о доступе граждан к правительственной информации, довольно проста. Вряд ли можно претендовать на то, что доступ к правительственной информации станет центральным элементом государственной политики и все остальные будут ему подчинены. Законодательство о доступе к информации неизбежно будет развиваться в тесной связи с другими аспектами и проблемными срезами, которые волнуют наше общество и находят свое отражение в законодательстве и практике.

¹⁴ Закон РФ от 21.07.1993 N 5485-1 (ред. от 08.11.2011) "О государственной тайне" // "Собрание законодательства РФ", 13.10.1997, N 41, стр. 8220-8235.

¹⁵ Указ Президента РФ от 30.11.1995 N 1203 (ред. от 21.09.2011) "Об утверждении Перечня сведений, отнесенных к государственной тайне" // "Собрание законодательства РФ", 04.12.1995, N 49, ст. 4775.

Проблема заключается в том, что концептуально относительно цельное информационное законодательство должно развиваться на основе четкого понимания ценностных приоритетов хотя бы внутри своего универсума. Только тогда направленные в одну сторону «боковые тренды» под действием закона сложения сил способны обеспечить ожидаемый эффект в виде работоспособного и открытого по отношению к гражданам государства.

Однако если «силы» будут применяться в разных направлениях, законодательство о доступе в лучшем случае будет стоять на месте, подобно крыловскому возу, управляемому лебедем, раком и щукой. А в худшем случае – эта проблема будет разорвана на куски, потеряет свою самостоятельность и перестанет быть актуальной для прагматического разговора. Следовательно, вывод состоит в том, что требуется значительно более четко в доктрине и законодательстве определить иерархию информационных ценностей как ценностей открытости государства, задав тем самым понятный вектор движения и сложив все силы и тренды в одном направлении.

Литература

1. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. N 210-ФЗ "Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг" // СЗ РФ. 2010. N 31. Ст. 4179.
2. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. N 273-ФЗ "О противодействии коррупции" (в ред. от 29.12.2012) // СЗ РФ. 2008. N 52 (ч. 1). Ст. 6228.
3. Федеральный закон от 20 февраля 1995 г. N 24-ФЗ "Об информации, информатизации и защите информации" (в ред. от 10.01.2003) (утратил силу) // СЗ РФ. 1995. N 8. Ст. 609.
4. Федеральный закон от 9 февраля 2009 г. N 8-ФЗ "Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления" (в ред. от 11.07.2011) // СЗ РФ. 2009. N 7. Ст. 776.
5. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. N 149-ФЗ "Об информации, информационных технологиях и защите информации" (в ред. от 28.07.2012) // СЗ РФ. 2006. N 31 (ч. 1). Ст. 3448.
6. Федеральный закон от 27 июля 2004 г. N 79-ФЗ "О государственной гражданской службе Российской Федерации" (в ред. от 30.12.2012) // СЗ РФ. 2004. N 31. Ст. 3215.
7. Закон РФ от 21 июля 1993 г. N 5485-1 "О государственной тайне" (в ред. от 08.11.2011) // СЗ РФ. 1997. N 41. Ст. 8220 - 8235.
8. Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. N 601 "Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления" // СЗ РФ. 2012. N 19. Ст. 2338.
9. Указ Президента РФ от 30 ноября 1995 г. N 1203 "Об утверждении Перечня сведений, отнесенных к государственной тайне" (в ред. от 21.09.2011) // СЗ РФ. 1995. N 49. Ст. 4775.
10. Постановление Правительства РФ от 28 января 2002 г. N 65 "О Федеральной целевой программе "Электронная Россия (2002 - 2010 годы)" (в ред. от 09.06.2010) // СЗ РФ. 2002. N 5. Ст. 531.
11. Постановление Правительства РФ от 3 ноября 1994 г. N 1233 "Об утверждении Положения о порядке обращения со служебной информацией ограниченного распространения в федеральных органах исполнительной власти и уполномоченном органе управления использованием атомной энергии" (в ред. от 20.07.2012) // СЗ РФ. 2005. N 30 (ч. II). Ст. 3165.
12. Проект Федерального закона N 181992-6 "О внесении изменений в Федеральный закон "Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления" в связи с размещением государственными органами информации о своей деятельности в сети Интернет в форме открытых данных" (принят

Государственной Думой ФС РФ в первом чтении 15.01.2013) // СПС "КонсультантПлюс".

13. Определение Конституционного Суда РФ от 15 апреля 2008 г. N 287-О-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Павлова Ивана Юрьевича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 части 3 статьи 6 Федерального закона "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" и пунктом 1.2 Положения о порядке обращения со служебной информацией ограниченного распространения в федеральных органах исполнительной власти" // СПС "КонсультантПлюс".

14. Определение Конституционного Суда РФ от 11 июля 2006 г. N 269-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Павлова Ивана Юрьевича на нарушение его конституционных прав пунктами 1.2 и 1.7 Положения о порядке обращения со служебной информацией ограниченного распространения в федеральных органах исполнительной власти" // Вестник Конституционного Суда РФ. 2006. N 6.

15. Венгеров А.Б. Право и информация в условиях автоматизации управления (Теоретические вопросы). М., 1978.

16. Право и власть: Международные институциональные стандарты в российском контексте / Под общ.ред. И.М. Клямкина. М.: Фонд "Либеральная миссия", 2013.

17. Роуз-Аккерман С. Коррупция и государство. Причины, следствия, реформы / Пер. с англ. О.А. Алякринского. М.: Логос, 2003.